

Р «Реабилитация» елки

«Предложение тов. Постышева»

И вдруг на исходе 1935 года в «Правде» появляется заметка, подписанная кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б) П. П. Постышевым: «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!» Решительно расправившись с «не иначе как „левыми“ загибщиками», которые «ославили» детское развлечение как буржуазную затею, в результате чего елка в Советской России была запрещена, автор в декларативном тоне предлагает положить конец «этому неправильному осуждению елки» и призывает комсомольцев и пионерработников в срочном порядке устроить под Новый год коллективные елки для детей: «В школах, детских домах, в дворцах пионеров... везде *должна быть* детская елка! *Не должно быть* ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило бы накануне Нового года елку для своих ребятишек. Горсоветы... *должны* помочь устройству советской елки для детей нашей великой социалистической родины» (курсив мой. — Е. Д.) [352: 3].

«Предложение тов. Постышева» было принято к сведению молниеносно: уже в том же номере газеты помещена заметка, включающая в себя столь знакомую по старым временам сценку продажи елок на рынках Москвы: «Между рядами стройных зеленых деревьев, поставленных прямо в снег, снуют покупатели. Здесь жены рабочих, служащих, инженеров, командиров Красной Армии. Здесь дети и подростки. Елки охотно раскупают. Приближается новый год, наступают школьные каникулы, и елка становится желанной гостьей в каждом доме, где есть дети». Здесь же

с укоризной говорится о директорах некоторых крупнейших рынков столицы, которые «считают почему-то (почему бы это? — Е. Д.) продажу елок... нарушением каких-то никому не ведомых правил и „баловством“» [358: 3]. Газета также пишет о том, как трудно купить елочные игрушки и украшения на елку: в магазинах и на рынках их почти нет.

Следующий номер «Правды», за 29 декабря, информирует читателей о телеграммах, в срочном порядке разосланных районным секретарям комсомола во все концы Страны Советов, «в которых рекомендуется под Новый год устраивать для пионеров и школьников елки, как в школах, так и в детских домах, кинотеатрах и на катках»; предлагается «организовать заготовку елок, закупку игрушек и украшений», а также сообщается, что фабрики и заводы готовят для детей подарки к елке. Московский облисполком дает указания райсельхозам о заготовке елок, которая будет проходить организованно, под наблюдением лесотехников [301: 8]. За подписью секретаря ЦК ВЛКСМ А. Косарева публикуется постановление о проведении 1 января силами комсомольцев и пионеров елок в школах, детских клубах и детских домах и о необходимости привлечения к этому делу родителей и школьных шефов [см.: 206: 8].

30 декабря в «Правде» была помещена фотография, на которой дети радостно и с интересом рассматривают елку в витрине магазина. Под фотографией подпись: «Магазин „Детский мир“ Гормосторга выставил украшенную елку, пользующуюся у наших покупателей большим успехом». В том же номере газеты с удовлетворением сообщается о «бойкой торговле елками» на всех рынках Москвы; о «повышенном спросе на елочные украшения»; о грандиозных елках, которые в новогодний вечер засверкают в московских парках культуры и отдыха; о больших и маленьких елочках, расставленных в харьковском Дворце пионеров; о тысяче елок, которые пройдут в Киеве; о елках, установленных на катках Ленинграда и т. д. и т. п. [513: 8]. 31 декабря на прилавках магазинов, согласно сообщениям в прессе, уже появился «расширенный ассортимент елочных украшений». Артели и промкооперации предлагают покупателям «специальные елочные наборы, фигурные пряники и марципаные фигуры». Кафе, рестораны и заводские столовые готовятся к проведению елок в своих помещениях. В последний день старого года наконец отреагировала и провинция — корреспондент из Воронежа сообщает: «Многие колхозники сегодня выехали в лес за елкой» [79: 8].

Так, в течение четырех дней (включая день опубликования статьи Постышева) в приказном порядке был «положен конец неправильному осуждению елки» и возрожден дореволюционный праздничный обычай. Но теперь, как следовало из напечатанного в «Правде» документа, елка называлась не рождественской, как прежде, а новогодней или просто — советской: «Итак, давайте устроим хорошую *советскую елку* во всех городах и колхозах».²³

На первый взгляд возвращение «старорежимного» обычая в жестокую эпоху 1930-х годов может показаться удивительным. Но следует учесть, что «реабилитация» елки произошла через месяц с небольшим после того, как 17 ноября 1935 года на Первом Всесоюзном совещании стахановцев Сталин произнес знаменательную фразу «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Если помнить об этом, то причина возвращения елки становится более понятной. По мнению советских идеологов, елка, как и многое другое в дореволюционной культуре, могла послужить укреплению победившего режима, возвращая людям привычные радости жизни.

Постановление о елке было воспринято с огромной радостью теми, кому были дороги обычаи старой российской жизни. Н. В. Устрялов, незадолго до опубликования статьи Постышева вернувшийся в СССР из харбинской эмиграции, чтобы «участвовать в жизни страны», 31 декабря 1935 года писал в дневнике:

«К Новому году — две радости: одна — бытовая, другая политическая (имеется в виду отмена ограничений для детей-лишенцев и нетрудящихся при поступлении в вузы и техникумы. — Е. Д.). Разрешена и даже рекомендована елка, и везде, повсюду — елочный энтузиазм, елочная вакханалия. В срочном, срочнейшем порядке мастерятся украшения, в „Детском мире“ за ними густые очереди, в магазинных витринах сверкают отлично убранные елки, повсюду веселые разговоры на соответствующие темы — прекрасно!» [417: 28].

Известный литературовед В. С. Баевский, которому в 1935 году было шесть лет, рассказывал мне, как обрадовалась возвращению елки его мать, детский врач С. И. Кессель, как она начала

²³ Кстати, в приурочивании елки не к Рождеству, а к Новому году не было ничего нового. Обсуждая вопрос о содержании праздника елки, Е. Швидченко еще в 1889 году писал, что елку «с одинаковым основанием можно приурочивать как к Новому году, как и к Рождеству» [507: 30–31].

вспоминать и рассказывать сыну о елках своего детства и тут же приступила к изготовлению елочных игрушек, как была устроена елка в его детском саду и как перед праздником им, детям, никогда не знавшим елки, воспитательницы рассказывали об этом обычае.

Елка оказалась «востребованной» в качестве одной из иллюстраций к знаменитой формуле: «За детство счастливое наше спасибо, родная страна!». «Старый мир чтит стариков, как свое прошлое, а советская власть чтит и лелеет детей, как свое будущее» [375: 208]. Об этом событии в жизни страны помнят многие меуаристы:

«Вероятно, в тот же год была разрешена (вместо «религиозной» рождественской) новогодняя елка для трудящихся семей. Кончились рождественские затемнения окон! Обычай зажигать елку двинулся от интеллигенции в рабочие семьи — и началось безудержное вырубание молодого елового леса, пока для этого не стали выделять специальные плантации» [131: 289].

А. Л. Войтоловская, работавшая в середине 1930-х годов в Новгородском пединституте, рассказывает об устройстве елки для студентов в начале 1936 года: «На зимние каникулы приехала мама... За несколько дней ей удалось организовать чудесную елку и самодеятельность студентов...» [81: 42].

Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром разрешило демонстрацию «для всякой аудитории» в течение всего 1936 года киноочерка «С Новым годом», в котором были отражены «важнейшие события минувшего 1935 года», в том числе и разрешенная елка [368: 9].

Следующий, 1937 год советский народ, уже забыв о запрете на елку, встречал с «зеленой красавицей», не подозревая, что готовит наступающий год многим из веселящихся возле наряженного и светящегося дерева. Так, Р. Д. Орлова вспоминает:

«У нас встречали Новый, тридцать седьмой год с шуточными стихами, вином, елкой, весельем и глубокой убежденностью: мы живем в прекраснейшем из миров. Новый год олицетворялся самой миниатюрной из наших девочек — Ханкой Ганецкой. Саша (Александр Галич. — Е. Д.) внес ее на руках, завернутую в одеяло, к пиршественному столу... Кто мог предвидеть, что Ханке предстоит пережить смерть мужа,

что ее отца и брата расстреляют, мать посадят, а еще через год она сама пойдет по этапу... [311: 326].

В эти же предвоенные годы проходили и другие, мало кому известные елки. Об одной из них сохранился рассказ Агнессы Мироновой-Король, жены крупного работника НКВД С. Н. Миронова. Накануне 1939 года Миронов удостоился великой чести быть приглашенным с женой на встречу Нового года в Кремль. Рассказчица со свойственной ей непосредственностью передает подробности этого события (которое, как она полагала, сыграло роковую роль в жизни ее мужа):

«Большой двухсветный зал Кремлевского дворца. Сейчас я вам нарисую план — как стояли столы, где была елка и где кто сидел.

Среди зала большая пышная елка, связанная из трех елей. Сталин в глубине зала за широким столом. Напротив Сталина за тем же столом — жена Молотова Жемчужина и другие партийные дамы, все в синих костюмах и платьях, только оттенки разные. Слуги обносили нас — один икру, другой осетрину, третий горячие шашлыки и еще что-то. Блюда были изысканны, разнообразны... Столы уставлены винами... Мы сидели с Сережей за боковым столом слева; если смотреть на схему так, как я вам начертила, вот тут, у самой елки. Место наше — в середине зала и не очень далеко от Сталина — указывало на наше положение: тут тщательно соблюдали субординацию. Если нам определили такое место, значит, мы в фаворе» [526: 126].

В этом драматическом рассказе «связанная из трех елей елка» выполняет роль ориентира: Агнесса с мужем сидели «у самой елки»; «вход был за елкой»; «и вот Берия поравнялся с елкой...» и, увидев Миронова, «индифферентно прошел мимо». Агнессу, которая встретилась с Берией глазами, «как ударило, точнее все во мне словно сжалось» [526: 126]. Этот новогодний инцидент, по ее мнению, и решил судьбу ее мужа, одного из людей Ежова, с которыми Берия решил расправиться: на шестой день наступившего года, 6 января, Миронов был арестован, а через год расстрелян [см.: 334: 301–302].

Разрешенная властями елка как будто бы утрачивала свою легендарную способность охранять и спасать людей.

Легенда о человеке, подарившем елку советским детям

Передо мной лежит разворот газеты «Правда» за 28 декабря 1935 года. На нем помещен вполне ординарный для тех лет материал: левая страница целиком занята докладом С. С. Лобова на пленуме ЦК ВКП(б) о вопросах лесной промышленности в связи со стахановским движением; на большей части правой страницы — окончание доклада Лобова; внизу слева — статья А. Розенгольца «Советский торговый флот растет и крепнет»; в правом нижнем углу — телеграмма делегации американских армян, адресованная тов. Калинину. Американские армяне сообщают «всероссийскому старосте», что они «покидают территорию СССР с незабываемыми прекрасными воспоминаниями», благодарят за гостеприимство и выражают «глубокое чувство удовлетворения от того, что увидели». В середине, чуть-чуть сбоку, — совсем небольшая заметка, едва занимающая шестнадцатую часть страницы: «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!» И короткая подпись внизу: П. Постышев. Приведу этот текст полностью:

«В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на новый год своим детям елку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями елку и веселящихся вокруг нее детей богатеев.

Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны? Какие-то, не иначе как „левые“ загибчики ославили это детское развлечение, как буржуазную затею.

Следует этому неправильному осуждению елки, которая является прекрасным развлечением для детей, положить конец. Комсомольцы, пионер-работники должны под новый год устроить коллективные елки для детей. В школах, детских домах, в дворцах пионеров, в детских клубах, в детских кино и театрах — везде должна быть детская елка! Не должно быть ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило бы накануне Нового года елку для своих ребятишек. Горсоветы, председатели районных исполкомов, сельсоветы, органы народного образования должны помочь устройству советской елки для детей нашей великой социалистической родины.

Организации детской новогодней елки наши ребяташки будут только благодарны.

Я уверен, что комсомольцы примут в этом деле самое активное участие и искоренят нелепое мнение, что детская елка является буржуазным предрассудком.

Итак, давайте организуем веселую встречу нового года для детей, устроим хорошую советскую елку во всех городах и колхозах!» [351].

Ежегодной радости нашего детства и детства наших детей мы обязаны этой заметке. Перечитывая ее, я пытаюсь понять: каким образом и почему она появилась здесь, на странице «Правды»? Была ли «спущена сверху» соответствующая директива, или же эта заметка явилась личной инициативой автора? Как было получено одобрение свыше? А без одобрения она, конечно же, не была бы напечатана. Американский историк Р. Такер наверняка прав, когда пишет, что «на Новый год, несомненно, с ведома и одобрения Сталина народу милостиво разрешили ставить дома елки — правда, не рождественские, а „новогодние“» [444: 295].

Могло ли случиться, что елка так бы и не была разрешена? В таком случае возможно, что все бы мы жили без елки вплоть до эпохи перестройки и развала Советского Союза, когда началось активное возрождение православных и народных обычаев — пасхальных, рождественских, святочных... Подобное течение событий представляется вполне возможным: ведь обходились советские дети без елки на протяжении почти десяти лет. На зимних каникулах устраивались новогодние вечера и карнавалы, организовывались вылазки в лес на лыжах, ставились спектакли, проводились военные игры. Об этом всегда сообщалось в прессе. Но елки не было. Так могло продолжаться и дальше.

Не исключено, однако, как уже говорилось, что «реабилитация» елки была предопределена не столько заметкой в «Правде», сколько фразой Сталина о том, что жить стало лучше и веселее, или же заметка Постышева явилась прямым следствием этой фразы. Но если возвращение елки было предопределено, то почему все-таки заметка была напечатана за подписью Постышева? В последние дни декабря 1935 года в Москве проходил пленум ЦК ВКП(б), и Постышев как член ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро ЦК и 2-й секретарь ЦК КП(б) Украины, конечно же, был в Москве, участвуя в работе пленума. Сам он на заседаниях не выступал, но его короткие реплики в адрес докладчиков отмечены

в печати. Через два с небольшим года переведенный с Украины на пост первого секретаря Куйбышевского обкома и горкома партии, вскоре он был арестован и еще через год — расстрелян.

Но в конце 1935 года Постышев еще был в силе, и потому вопрос, не явился ли он действительно инициатором восстановления отвергнутого советской властью обычая, многократно разруганного в печати предшествующих лет, представляется вполне правомерным. Дать полный достоверный ответ на этот вопрос пока не представляется возможным. Однако можно проследить, как в книгах о Постышеве, которые одна за другой начинают выходить после его посмертной реабилитации в 1960-х годах, создается легенда о человеке, подарившем елку советским детям. Как бы ни оценивать личность и деятельность Постышева, эта создаваемая мемуаристами и биографами легенда имеет такое же право на существование, как и старинная немецкая легенда о Мартине Лютере, превратившем елку в рождественское дерево, английская легенда о королеве Виктории и принце Альберте, подарившем его англичанам, и целый ряд противоречащих друг другу американских легенд о появлении елки в Соединенных Штатах. В какой мере они соотносятся с реальностью, с точки зрения мифологии не столь уж важно.

Описания эпизода о «реабилитации» елки, с которыми читатель встречается в мемуарах и биографических произведениях о Постышеве, дают возможность понять, во-первых, как создаются легенды о возникновении или же восстановлении в новом качестве ритуальных символических объектов и, во-вторых, как создаются легенды о «культурных героях», давших или же вернувших людям эти символические объекты.

Мемуаристы и биографы освещают жизненный путь Постышева как профессионального революционера и истинного коммуниста, загубленного Сталиным и его приспешниками. Постышев, который во время Гражданской войны проводил военно-полевые суды на Дальнем Востоке и, как одобрительно пишут о нем некоторые авторы, говорил при этом, что «у нас нет уложений о наказании, у нас есть классовая совесть и революционное самосознание» [121: 348], в дальнейшей своей деятельности в мирное время изображается как партийный руководитель, главной заботой которого были люди. Его дела по улучшению жизни и бытовых условий населения перечисляются с неизменной тщательностью. Занимая пост секретаря ЦК партии Украины, он благоустраивает городской сад в Харькове (бывшем тогда украинской

столицей), улучшает работу городского транспорта, заботится о санитарном состоянии дворов, сам обедает в заводских столовых, следя за качеством еды для рабочих, и т. д. и т. п. «Доброе сердце» — так называет свои воспоминания о Постышеве один из его сослуживцев [69: 171].

По словам биографов, особенную заботу Постышев проявлял о детях. «Павел Петрович, — пишет мемуаристка, — очень любил детей. Он находил время, чтобы побывать в школах, детских домах, пионерских отрядах... в учреждениях, клубах и даже при жактах (жилищно-арендных конторах), где были пионерские форпосты» [58: 266]. Ему приписывается идея создания «культурного уголка ребенка в доме» [262: 276]. Именно он в 1933 году обратился с призывом к пионерам села собирать колоски во время страды (сбором колосков занималась и я, пионерка начала 1950-х годов). В 1934 году, когда столица Украины переносится в Киев, Постышев передает харьковской пионерской организации здание республиканского ЦК, с тем чтобы создать в нем первый в стране Дворец пионеров, получивший его имя. Газеты сообщали о том, что, когда он покидал Харьков, школьники, не желая отпускать его, организовывали заставы. Рассказывая о посещении Постышевым два года спустя этого Дворца пионеров, корреспондент замечает: «Товарищ Постышев известен своею исключительной любовью к детям и исключительной заботой о них» [375: 206]. На второй день после опубликования заметки о елке Постышев, как сообщила «Правда», послал работникам этого учреждения срочную телеграмму: «Организуйте детям во Дворце пионеров новогоднюю елку» [301: 8].

Авторы мемуаров о Постышеве и его биографы, характеризуя своего героя, никогда не забывают включить в число его праведных дел напечатанную в «Правде» заметку о елке: «Разве забудут старые комсомольцы призыв Постышева сделать красочными новогодние праздники? Какой живой отклик и у родителей, и у самой детворы встретило его предложение устраивать елки?» [269: 245]. Как обычно и случается в процессе создания легенд, поступок Постышева мифологизируется: одна за другой рождаются версии, каждая из которых, с одной стороны, повторяет, а с другой — развивает предшествующую, дополняя ее новыми деталями. Нас убеждают в том, что именно у такого и только у такого человека могла возникнуть мысль о возвращении елки.

Г. А. Марягин, по его собственному признанию, «знавший и наблюдавший» Постышева в течение многих лет, в книге о нем, вышедшей в 1965 году в серии «Жизнь замечательных людей»,

Б. Ефимов. Дружеский шарж на П. Постышева (газета «Известия», 1936. 1 января).

пишет, что Постышев заговорил о возвращении елки «как-то на одном из заседаний», вспомнив при этом «о елке в Сокольниках, на которую вместе с Владимиром Ильичом приезжала Надежда Константиновна Крупская». Сюжет «елки в Сокольниках» пересказывается Марягиным явно по памяти и с ошибками: не Ленин с Крупской приезжали к детям на елку, как пишет он, а Ленин навещал жену в Сокольниках, где она в декабре 1919 года отдыхала в помещении Лесной школы. Автор откровенно модернизирует события: до 1935 года, когда елка была под запретом, этот эпизод из жизни вождя не афишировался; широко известным он стал только после разрешения елки. Далее Марягин вкладывает в уста своего героя фрагмент из заметки, напечатанной в «Правде», превратив ее в речь, адресованную партийным сослуживцам по Киеву: «В дореволюционное время буржуазия и чиновники всегда устраивали на Новый год своим детям елку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями елку и веселящихся вокруг нее детей богатеев» и т. д. Вскоре после этого заседания, как пишет Марягин, и была

напечатана заметка Постышева в «Правде», а в газетах появились шаржи: «Идет высокий сутулый человек, с хмурым озабоченным лицом, но лучистыми глазами и несет большую новогоднюю елку с пятиконечной звездой» [262: 278].

Т. П. Брауде, бывшая в 1930-х годах на Украине крупным профсоюзным деятелем и знавшая Постышева и по Харькову, и по Киеву, на теме «Постышев очень любил детей» делает особый упор. Фантазируя на основе заметки, напечатанной в «Правде», она приводит якобы слышанные ею факты о тяжелом детстве Постышева: «У Павла Петровича было очень тяжелое детство. Он рассказывал, как с завистью засматривался в окна богачей, где на рождество стояли нарядные елки, светившиеся огнями. Стоял и думал: „Неужели никогда мне не придется побывать у такой елочки?“» [58: 276]. Советский партийный руководитель предстает в воспоминаниях Брауде в роли того самого малютки, который, заглядевшись в окно богатого дома на разукрашенное дерево, думает: «Хоть раз бы мне праздник такой!» (см. выше сюжет о «чужой елке»). Образ «друга детей» мифологизируется в соответствии с известной и давно затасканной литературной схемой. Помня о своем тяжелом детстве, лишенном елки, Постышев и задумывает «подарить всем детям праздник елки».

Мемуаристка считает необходимым дать современному читателю, не осведомленному в истории русской елки, пояснение: «Дело в том, что елка, как и другие атрибуты религиозных праздников, в частности рождество, после революции отпали сами по себе». (Как они «отпали сами по себе», мы уже знаем.) Далее говорится об отъезде Постышева в Москву на пленум, где поставленный им вопрос о елке был решен положительно. По возвращении в Киев он организует «первую послереволюционную елку на Украине»: лично распоряжается, чтобы во Дворец пионеров привезли самую большую, ветвистую ель, наказывает работникам не жалеть сил и средств, чтобы елка была «по-настоящему праздничной, красивой, нарядной... И пусть дети вокруг нее танцуют, поют, играют, радуются приходу Нового года. Раздайте им подарки». Все его наказы, разумеется, были выполнены, и елка получилась замечательной. Постышев, придя на праздник со своими детьми, спрашивает их: «Ну, как, нравится?» Те, конечно, отвечают: «Очень нравится!» Отец радостно усмехается и говорит: «Раз нравится и старым, и малым, значит действительно хороша» [58: 276–278].

В мемуарах сына Постышева Леонида (впоследствии — старшего научного сотрудника Академии общественных наук при ЦК

КПСС) история возвращения елки излагается как семейная легенда. Однажды летом 1935 года, вспоминает он, отец, обращаясь к детям, вдруг произнес странную фразу: «Что-то мы все-таки не додумали...» По словам сына, Постышев все насущные проблемы всегда обсуждал с детьми. На этот раз «чем-то недодуманным» оказался вопрос о елке. Леонид приводит речь отца, которая представляет собой вариант все той же заметки в «Правде». Однако в его изложении эта речь приобретает мемуарный характер: говорится уже не о каких-то абстрактных «детях рабочих, с завистью через окно посматривающих на... елку и веселящихся вокруг нее детей богатеев», а о самом Постышеве и его сверстниках: «С какой завистью мы заглядывали в окна богатеев, где вокруг наряженной и обвешанной подарками елки водили хороводы буржуйские дети».

Составляя мемуары об отце, сын подготовился к изложению вопроса лучше, чем сослуживцы. В разговоре с детьми Постышев серьезно обосновывает свое решение вернуть елку: теперь, когда появилась возможность дать детям рабочих радостный праздник, елку запретили как поповский предрассудок; однако при этом хорошего, веселого праздника для детей так и не придумали. Попы были умнее: они, несмотря на то что елка — обряд языческий, не стали с ним бороться, а использовали в своих интересах; «...подумал еще и сказал твердо: „Вот будет очередной пленум ЦК, выступлю и поставлю вопрос о том, чтобы вернуть нашим детям этот чудесный праздник“». Отец напоминает детям о тех елках, на которых они сами присутствовали до наложенного запрета: «Да вы сами-то, наверное, помните, как маленькие веселились на елке?» Проблема обсуждается с разных сторон. Встает вопрос и о вреде, наносимом порубкой деревьев: «Но нам в школе объясняли, почему елку запретили: в лесу вырубали очень много маленьких елочек и этим наносили вред природе!» — замечает один из детей. Однако у отца уже все продумано, и он без промедления отвечает, что елочки можно будет специально выращивать для продажи вблизи городов; «можно же делать их искусственными, из пластмассы или еще из чего-нибудь, чтобы использовать не один год...» (Вопрос о елочных плантациях, насколько мне известно, не поднимался вплоть до 1960-х годов.)

Перед Новым годом Леонид тяжело заболевает двусторонним воспалением легких. Когда отец уезжал на пленум, состояние сына было критическим. Вернувшись через несколько дней из Москвы, Постышев сразу же идет к сыну, ставит на тумбочку возле его постели маленькую елочку, включает вилку в розетку — и «засвети-

лась десятком маленьких стеклянных свечек красивая искусственная елочка»: «Смотри, что я тебе привез из Москвы! Это подарок тебе и всем советским детям. С этого Нового года опять будет праздник елки!» Леонид моментально пошел на поправку: подаренная отцом елочка способствовала его выздоровлению. В семье так и говорили, что вылечили его не врачи, а елка [350: 303–304].

В посвященном Постышеву романе В. Н. Исаева «Соратник Сталина», вышедшем в 1999 году и «написанном по недавно раскритическим документам архива ФСБ», легенда о человеке, подарившем елку советским детям, получает дальнейшее развитие. Эпизод о елке развернут здесь в пространное повествование и оформлен как самостоятельная новелла. Материалом, помимо все той же заметки в «Правде», послужили биографии и воспоминания о Постышеве, но главным ее стержнем, судя по всему, явились мемуары сына, предоставившие автору почву для безудержной фантазии. Как пишет Исаев, незадолго до наступления 1936 года Павел Петрович устраивает со своими детьми домашний «партактив», на котором ставит «проблему государственной важности» — о возвращении елки советским детям. На вопрос, как они предпочитают встретить Новый год — с елкой или без елки, все дети, не задумываясь, дружно высказываются за елку, но тут же пугаются. Для оправдания своего крамольного желания они ссылаются на «Елку в Сокольниках»: «Почему так получается? Все мы помним знаменитую елку в Сокольниках — во всех газетах писали про нее, про то, как у московской детворы побывали на елке Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская, а теперь про елку и говорить нельзя?» Вопрос о елке был задан и больному Леониду. Подросток реагирует на него весьма скептически: «А кто вам ее разрешит, разбежались, она отменена, как буржуйская забава, чуждая нам...» Отец молча наблюдает за детьми, но в душе он уже знает: «елка в стране будет!»

Выслушав мнение детей, отец делится с ними воспоминаниями о своем тяжелом детстве. Сюжет «чужая елка» приобретает в этом рассказе особенный драматизм: оказывается, маленький Павлик вместе со своими сверстниками, с завистью глядя в окна на елки в богатых домах, рисковал жизнью: «В такую же новогоднюю пору, перебравшись через высоченную изгородь господской усадьбы», они, дети рабочих, «подбирались к ярко освещенным окнам, за которыми горела огнями чудо-елка. Она будила воображение, влекла к себе»; «мальчишки с рабочих прокопченных окраин Иваново-Вознесенска уже ползли к ней... казалось,

со всех концов города была видна елка, которая могла стоять им жизни». Здесь следует напомнить, что даже в самых трагических рассказах о бедных малютках, глядящих через окно на чужую елку, никто и никогда не угрожал им. В худших случаях они просто замерзали тут же под окном.

«И кто-то, помню, сказал, что видел в доме у елки мальчика, который был недоволен праздником, сидел кислый и хмурый, мы даже остановились посреди улицы — это казалось невероятным», — продолжал вспоминать Постышев, стремясь подчеркнуть, сколь сильно дети рабочих желали иметь елку. «С какой горестью взирал я на своих оборванных братьев, какой жестокой и несправедливой виделась мне их жизнь, а ведь они такие же дети, как и те, за освещенными окнами особняка, и им, конечно, хотелось бы такую же елку, такие же подарки на ветках, такой же праздник, хоровод...» Вспомнил Постышев и об обстановке спального рабочего района Иваново-Вознесенска, где прошли его детство и трудовая юность, те комнаты, в которых о елке детям и мечтать было нельзя: «Вот так мы жили тогда. И куда было деться с елкой — не принесешь же ее в нашу „спальню“, да и мало кому принесла бы она в ту пору радости. Нароботавшись за день в цехе, не то что елочку, а жить не захочешь...»

Включение в роман о человеке, все предложения которого (как пишут о нем) «казались заимствованными из самой жизни, возвращенными ей по справедливости», традиционного сюжета о «чужой елке», приуроченного к пролетарскому периоду борьбы с царизмом, весьма знаменательно. Постышев, как стремится показать автор, на себе познал, что значит быть лишенным елки, и через всю свою жизнь пронес память о страстном желании ребенка с окраины пролетарского городка иметь елку. Это и стало важнейшим стимулом к его хлопотам по восстановлению отвергнутого обычая. Домашний «партактив» единогласно принимает решение «о необходимости восстановления празднования Нового года с елкой».

Павел Петрович едет на пленум, где, согласно автору романа, выступает с предложением об организации в стране новогодних детских елок. По возвращении домой он ставит у кровати больного сына, на выздоровление которого, по мнению врачей, уже не было никакой надежды, «крошечную искусственную елку, украшенную игрушками». Леонид перестает кашлять и встает с постели: елочка спасает его, вылечив от тяжелой затяжной болезни, как это неоднократно бывало в традиционных рассказах о елке-спасительнице и избавительнице: «Всем им казалось, что

на всем белом свете рядом с елкой никто никогда болеть не будет, потому что счастьем тоже можно лечиться, оно сильнее профессоров и лекарств» [173: 296–301].

Как нетрудно заметить, текст этой новеллы опирается на штампы традиционных рождественских произведений о елке, начиная от страстного желания детей иметь елку и кончая самыми популярными и избитыми сюжетами о рождественском дереве — «чужой елке» и «чуде исцеления», свершающемся в его присутствии. Так на основе небольшой заметки, опубликованной в «Правде», была создана легенда о человеке, подарившем елку советским детям. В этой этиологической легенде, объясняющей существующий порядок, Постышеву приписывается роль «творца», «культурного героя», возвратившего людям утраченный ритуальный объект. Текст конструируется на основе определенного набора штампов и весьма ограниченной документальной информации. Процесс создания этой легенды показывает, каким образом происходит активизация архетипической структуры: вместо восстановления причинно-следственного процесса (почему елка была разрешена) создается повествование о «начале», «происхождении», «восстановлении» явления и о герое, который явился его «творцом» [267: 23–40].

Как сказал Пушкин, бывают странные сближения. Задолго до появления заметки Постышева, в 1919 году, А. И. Куприн напечатал в выходившей в Гельсингфорсе газете «Новая русская жизнь» юмористический святочный рассказ «Последний из буржуев», действие которого приурочено к концу 1935 года: накануне Рождества к единственному сохранившемуся в СССР буржую Рыбкину приходят два комиссара, которые утешают его, просят не умирать и не переходить «на советскую платформу». А буржуй совсем раскис, бродит перед Рождеством по городу и с грустью вспоминает старые времена: «Вот, думаю, прежде у людей елка бывала... детишки... свечей много... золото сусальное блестит... бусы качаются... смолой пахнет. И так грустновато мне стало...» Вернувшись домой, он вдруг обнаруживает у себя в гостиной небольшую елочку, «всю сияющую маленькими теплыми огоньками»: «Золотые и серебряные украшения весело поблескивали. Тут висели, подрагивая и чуть раскачиваясь, миниатюрные гильотинки, изящные модели виселиц, топоры и плахи, серпы и молоты и другие революционные игрушки и эмблемы». Как оказалось, эту елочку устроили «последнему буржую» в утешение те самые два комиссара. ««В борьбе обретешь ты имя свое», — пролепетал Рыбкин и заплакал. Заплакал от горя и умиления» [219: 77–78].